

О. В. Аулов

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ПИРЕНЕЙСКИЙ ГОРОД В ИСПАНСКОЙ И ПОРТУГАЛЬСКОЙ РОМАНТИЧЕСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

1. Средневековый город и романтическая историография: вступительные замечания

Эта статья посвящена характеристике научных концепций истории средневекового пиренейского города, сложившихся в рамках т. н. «романтической историографии», идеи которых получили широкое развитие в Испании и Португалии в первой половине XIX столетия. В отечественной науке ранее они почти не исследовались¹; в зарубежной (прежде всего — испанской) медиевистике, несмотря на обилие историографических исследований, пожалуй, лишь одна из работ Х. М. Ньето-Сория непосредственно касается проблематики городской истории пиренейского Средневековья, да и то лишь частично². Между тем, именно в рамках романтической историографии первой половины XIX в. был сформирован комплекс историографических представлений переживших зна-

¹ Едва ли не единственным исключением является небольшой раздел в моей работе 2012 г., нуждающийся ныне в существенных исправлениях и дополнениях: Аулов, О. В. Город и рыцарство феодальной Кастилии: Сепульведа и Куэльяр в XIII – середине XIV в. М., 2012. С. 19–25.

² Nieto Soria, J. M. Dos medievos para dos Españas: Gestación y claves interpretativas, in: Pasados apropiados. El medievalismo español del siglo XIX. Barcelona, Molina de Segura (Murcia), 2013. P. 15–40.

чительную трансформацию, но сохраняющих свое значение и в настоящее время.

Значение городу как воплощению цивилизации придавали уже историки эпохи Просвещения с её культом античной культуры. Их идеи существенно повлияли на историков следующего исторического периода, когда средневековый пиренейский город был выделен как особый объект исследования под прямым влиянием идей великих французских историков, прежде всего — Франсуа Гизо (1787–1874) и Огюстьена Тьерри (1795–1856). Последние сознательно противопоставили средневековый город-муниципий и римские (романские) истоки его свобод внешнему и враждебному этому городу феодальному миру. Противоречия свободных городских обществ и их феодального окружения оказались, по их мнению, столь велики, что вылились в коммунальные революции, следствием которых стало торжество городских свобод и становление свободного города как особого социально-политического организма³.

Стремление ассоциировать город с политическими свободами, понимаемыми в духе идей Великой французской революции, а феодальный мир — с наследием Старого порядка достаточно быстро утвердилось в общественном сознании, тем более что и Ф. Гизо⁴, и многие его испанские и португальские единомышленники являлись активными, действующими политиками и их историко-софские взгляды были частью их политического мировоззрения (и наоборот). С этого момента проблематика городской истории Средневековья надлого приобрела выраженную политическую составляющую. С учетом сказанного, разговор о начальных этапах

³ *Thierry, Au.* Lettres sur l'histoire de France pour servir d'introduction al l'etude de cette histoire. Paris, 1827. P. 210–253; *Тьерри, О.* История происхождения и успехов третьего сословия. М., 1899. С. 55–62. См. также: *Гизо, Ф. П. Г.* История цивилизации в Европе. М., 2007. С. 165–167; *Гизо, Ф. П. Г.* История цивилизации во Франции. Т. 4. М., 2006. С. 13–46 и др. Следует, однако, признать, что их современник Ж. Мишле придерживался, скорее, иной точки зрения, хотя она была скорее намечена, чем аргументирована. См.: *Мишле, Ж.* Краткая история Франции до Французской революции. СПб., 1838. С. 93–95.

⁴ См., например: *Таньшина, Н. П.* Франсуа Гизо: политическая биография. М., 2018.

истории изучения средневековой городской истории Испании и Португалии местами выходит за рамки медиевистики в традиционном представлении и становится темой более широкого историко-культурного исследования.

В понятийную систему отечественной исторической науки термин «романтическая историография» был введен Б. Г. Реизовым (1902–1981), ленинградским филологом, выдающимся специалистом по истории французской литературы. Этот же ученый обратил вполне обоснованное внимание на влияние культуры романтизма на историческое сознание европейских элит 1820–1850-х гг.⁵ Тесная связь этой культуры с либерализмом как политическим течением, с одной стороны, и европейскими национализмами как наиболее ярким и последовательным проявлением этого течения, с другой, оказала огромное влияние на историческую науку, в первую очередь — на медиевистику, в том числе — в Испании и Португалии.

Во Франции одним из первых идею возврата к традиционным ценностям, разделявшуюся и немецкими романтиками, выдвинул Ф. Р. де Шатобриан (1768–1848), который дал высокую оценку «феодальному духу Средневековья»⁶ и средневековому христианству⁷. Эти взгляды оказали влияние и на формирование взглядов интеллектуалов за Пиренеями: традиционно тесные культурные связи пиренейских стран с Францией способствовали быстрому распространению романтических идей как в Испании, так и в Португалии⁸.

Так, сочинения Ф. Р. де Шатобриана стали переводиться на португальский язык уже с 1814 г., а среди многочисленных последователей писателя в этой стране современники выделяли А. Эркулану-де-Карвалью (1810–1877) (подробный разговор о нем пойдет ниже), который даже получил почетное прозвище «порту-

⁵ Реизов, Б. Г. Французская романтическая историография (1815–1830). Л., 1956. С. 5.

⁶ Шатобриан, Ф. Р. Замогильные записки. М., 1995. С. 71, 193.

⁷ Там же. С. 165, 592, 594.

⁸ См., например, об этом: Machado, A. M. Les romantismes au Portugal. Modeles etrangers et orientations nationales. Paris, 1986. P. 25–172.

гальского Шатобриана»⁹. Несколько позднее (не ранее 1820-х гг.) произведения французского писателя и философа стали доступны и испанскому читателю, который мог ознакомиться с ними в переводах писателя и переводчика Р. Лопеса-Солера, одного из основоположников испанского романтизма. В Испании влияние Шатобриана испытали выдающиеся религиозные философы Х. Бальмес и Х. Доносо Кортес, ревностные защитники традиций испанского католицизма, видевшие в нем основу национальной специфики Испании¹⁰. В конечном итоге, подобное восприятие христианства стало одной из ключевых особенностей пиренейского романтизма (наряду с патриотизмом и особым пиететом по отношению к средневековому прошлому (*medievalismo*))¹¹.

2. От историографии Просвещения к романтической историографии: Ф. Мартинес-Марина

Распространение идей романтизма было тесно связано и с процессом становления нового типа интеллектуала — не абстрактного мечтателя и завсегдатая аристократических салонов, но активного деятеля, занимающего ответственные государственные должности (в частности, именно таким был и Ф. Р. де Шатобриан¹²). На Пиренейском полуострове этот тип стал утверждаться еще до середины 1830-х гг., принимаемых обычно за отправную точку истории местной школы романтизма. В Испании поворотной вехой стали Война за независимость против французских захватчиков (1808–1812), а также деятельность Кадисских кортесов (1810–1812), в числе депутатов которых были, в частности, будущий основоположник испанского романтизма Антонио Алькала-Гальяно (1789–1865), а также известный историк Франсиско Мартинес-Марина (1754–1833).

Именно с кадисскими кортесами связывается зарождение испанского либерализма как политического течения и направ-

⁹ Ibid. P. 210.

¹⁰ См., например, об этом: *Abellán, J. L.* Historia crítica del pensamiento español. T. 4. Madrid, 1984. P. 331–344, 353–362.

¹¹ *Allison Peers, E.* Historia del movimiento romántico español. T. 2. Madrid, 1967. P. 323–344.

¹² *Шатобриан, Ф. Р.* Замогильные записки. С. 595.

ления общественной мысли. И с самого начала испанский (как, впрочем, и португальский) либерализм носил четко выраженный национальный оттенок: в условиях патриотического подъема, вызванного войной за независимость 1808–1814 гг. с наполеоновской Францией, политическая позиция «афрансесадо» (*офранцузенных*), мысливших в универсалистском духе, воспринятом из сочинений просветителей¹³, рассматривалась как проявление коллаборационизма. На первый план выступили национальные интересы и связанная с ними защита национальных особенностей. Характерно уже то, что победившие либералы сохранили в Конституции 19 марта 1812 г. институт королевской власти, а также в значительной мере реставрировали права и влияние Церкви: не был восстановлен лишь институт инквизиции. Эти меры полностью соответствовали представлению о роли этих институтов как важнейших черт национальной специфики¹⁴.

Разумеется, этот тезис требовал соответствующего исторического обоснования. Так возникли знаменитые труды одного из наиболее выдающихся испанских историков рубежа XVIII–XIX вв. Ф. Мартинеса-Марины¹⁵. Выдающийся историк права и политик своего времени, взгляды которого сформировались на рубеже Просвещения и романтизма, он соединяет в своей историографической концепции, с одной стороны, традиции века Просвещения с его апологией свободы как естественного состояния человека, а с другой — то последовательное внимание к национальному чувству и национальному началу, которое стало одним из основных принципов исторических представлений эпохи романтизма.

¹³ О феномене «афрансесадо» см., например: *Ещенко, А. О.* Наполеоновская Испания: король Жозеф и «Los Afrancesados»: перспектива сотрудничества, В кн: *Труды кафедры истории Нового и новейшего времени*. 2018. № 18(1). С. 57–79.

¹⁴ О Кадисских кортесах см., например: *Abellán, J. L.* Historia crítica del pensamiento español. Т. 4. Р. 95–112.

¹⁵ О Ф. Мартинесе-Марине существует обширная литература. Наиболее общие сведения и библиографию см.: *Riaza, R.* Historia de la literatura jurídica española, in: *Interpretatio: Revista de Historia del Derecho*. 1998. Т. 5. Р. 34, 66, 96, 101, 199–201, 204–205.

Уже в своем «Историко-критическом размышлении...»¹⁶, написанном как введение к академическому изданию текста «Семи Партид» — выдающегося памятника испанского и европейского права, первого западного кодекса эпохи *ius commune*, созданного на разговорном языке, но позднее изданного отдельной книгой, Ф. Мартинес-Марина обращает первостепенное внимание на роль свободы и свободного начала в испанском «национальном» праве. Рисуя Альфонсо X Мудрого (1252–1284), инициатора создания Партид, как первого просвещенного монарха в истории Испании, Ф. Мартинес-Марина возводит «свободные начала» политического строя средневекового королевства Кастилия и Леон к законодательству римского времени, принципы которого были восприняты «первым национальным кодексом» вестготской эпохи — *Forum Iudicum*, а вслед за ним — и правом эпохи Реконкисты, и, главное, таким оплотом средневековой свободы, как средневековые кастильские и леонские кортесы. Позднее эти идеи были развиты в знаменитой «Теории кортесов...», выдающемся памятнике испанской политической и историко-правовой мысли, вобравшем в себя дух эпохи антинаполеоновской войны за независимость и против Кадисских кортесов¹⁷. При этом, автор уделял немалое внимание и городской истории пиренейского Средневековья, рассматривая города как главный оплот свободомыслия. Следуя традиции правовой терминологии своего времени, он уверенно характеризовал эти институты как «муниципальные».

3. Л. Ш. Ромей и его «История Испании от начала до наших дней»

Большое значение для развития испанской романтической историографии имел труд, хотя и не принадлежавший перу испанского историка, но оказавший огромное влияние на испанскую историографию. Достаточно сказать, что ответом именно

¹⁶ *Martínez Marina, F. Ensayo histórico-crítico sobre la antigua legislación y principales cuerpos legales de los reynos de León y Castilla, especialmente sobre el Código de D. Alfonso el Sabio, conocido con el nombre de Las Siete Partidas. Madrid, 1808.*

¹⁷ См.: *Martínez Marina, F. Teoría de las Cortes o de las grandes asambleas nacionales de los reynos de León y Castilla / 2 vols. Madrid, 1813.*

на этот труд стала уже упоминавшаяся выше фундаментальная «Общая история Испании» М. Лафуэнте, более чем на столетие определившая развитие национальной историографии. Речь идет о девятитомной «Истории Испании от начала до наших дней» французского писателя Луи-Шарля (полное имя: Луи Шарль Репара Женеьев Октав) Ромея (1804–1874)¹⁸.

Профессиональным историком Л. Ш. Ромей не являлся и таковым себя не считал, писал на самые разные темы: помимо «Истории Испании...» (первое французское издание — 1838–1851), ему принадлежит ряд обширных эссе, в числе которых — «Пророк Шатобриан» (1849), «Древняя и новая Россия по данным хроник» (1855 г., в соавторстве с Альфредом Жакобом), «Путешествие по моим книгам» (1861) и «Люди и вещи разных времен» (1864)¹⁹. Пламенный романтик, глубоко влюбленный в Испанию, которую хорошо знал, Л. Ш. Ромей оказался в плену того бурного интереса к этой стране и ее культуре, который пришелся на времена романтизма²⁰.

В своем вступлении к французскому изданию автор «Истории Испании...», восхищавшийся Огюстьеном Тьерри, указал на свои ориентиры в мире современной ему историографии. В числе таковых Л. Ш. Ромей перечисляет труды по истории Франции и Англии Жана де Сисмонди (1773–1842), уже упоминавшегося Огюстьена Тьерри и Джона Лингарда (1771–1851), Германии — Арнольда Германа Людвига Геерена (1760–1842) и Йозефа фон Хаммера (1774–1856), а также Италии — Карло Ботты (1766–1837). Все эти имена принадлежат выдающимся представителям романтической историографии. Таким образом, труд Ромея (вне зависимости от его конкретных достоинств) превращался для испанского читателя в своеобразное введение в историософские идеи историков-роман-

¹⁸ Romey, L. Ch. Histoire d'Espagne depuis les premiers temps jusqu'à nos jours / 9 vols. Paris, 1838–1851.

¹⁹ См., например: *Esteban de la Vega, M. La Historia de España de Romey y su recepción en la historiografía española // Francia en España, España en Francia: la historia en la relación cultural hispano-francesa (siglos XIX–XX) / Coord. por J.-R. Aymes, M. Esteban de la Vega. Salamanca, 2003. P. 93–126.*

²⁰ См., например, об этом: *Benavent Motolius, J. F. La imagen de España en Alemania de la Ilustración al Romanticismo, in: Estudis: Revista de historia moderna. 1999. No 25. P. 201–230.*

тиков²¹. Вместе с восторженным отзывом об Испании и испанской нации²², сказанное объясняет, почему в Испании труд Ромея был переведен почти сразу же и привлек большой интерес читателей.

Применительно к задачам настоящей статьи ограничусь обзором части содержания трех первых томов испанского перевода (появившегося всего через год после французского оригинала), изложение в которых доведено от начала испанской истории до времен короля Филиппа II (1556–1598) включительно. При этом, первый том завершается рассказом о мусульманском завоевании и начальном периоде истории аль-Андалуса и христианских политий Северной Испании (до конца VIII в.), а второй — событиями начала XII в.²³

Римскому периоду испанской истории Л. Ш. Ромей придавал огромное значение, что касалось и городской истории этого времени. Уже рассказывая о временах Республики и установления римского господства, он зафиксировал формирование системы местного управления и муниципальных институтов римского типа, дав им весьма подробную характеристику, еще более детальную применительно к эпохе Империи (включая муниципальный закон Флавиев)²⁴. Среди понятийных новаций Л. Ш. Ромея (или, точнее, испанского переводчика его текста, известного филолога-классика Антонио Берньеса-де-лас-Касас (1801–1879)) следует назвать использование испанского слова *concejo* (обозначавшего средневековую территориальную общину-консехо) для перевода латинского *civitas*, что на уровне понятийной системы должно было привести испанского читателя к мысли о преемственности и типологической близости античных и средневековых институтов местного самоуправления²⁵; соответственно, испанское *vecino* преподносилось как аналог латинского *cives*²⁶.

²¹ Romey, L. Ch. Histoire d'Espagne depuis les premiers temps jusqu'à nos jours. Vol. 1. Paris, 1838. P. III.

²² Ibid. P. IV.

²³ Romey, C. Historia de España desde el tiempo primitivo hasta el presente / Vols. 1–3. Barcelona, 1839–1841.

²⁴ Romey, C. Historia de España desde el tiempo primitivo hasta el presente. Vol. 1. Barcelona, 1839. P. 76–77, 125, 136–150, 187–194,

²⁵ Ibid. P. 127, 134, 143, 189 (в последнем случае об этом говорится прямо).

²⁶ Ibid. P. 293, 309.

Еще более любопытна передача значения испанским *fuero* понятия *lex municipalis*²⁷; кроме того, этим же словом обозначались нормы, вводившиеся в римское время епископами для местного клира и касавшиеся, в частности, статуса рабов церковных учреждений²⁸. Применительно же к правовым реалиям Средневековья Л. Ш. Ромей трактовал содержание понятия «фуэро» как явления, по сути не имевшего ничего общего с римским муниципальным законодательством: «... Законы частного характера, уточнявшие содержание местных привилегий, иммунитетов, прерогатив и свобод в пределах королевства, герцогства, графства, поселения или обители; это были дипломы, документы, пожалованные высокопоставленными представителями новой власти Леона, Наварры, Арагона, Кастилии и Каталонии, королями и графами этих стран, либо применительно к определенной территории, либо к целым консехо параллельно процессу вырывая какую-либо часть земли из рук завоевателей-мусульман; это были контракты в собственном смысле слова, которые объединяли и связывали различные властные учреждения с частями испанской нации...»²⁹.

Разумеется, подобное словоупотребление не было случайным. Оно отражало важную для О. Тьерри (одного из авторитетов Л. Ш. Ромей) идею преемственности римского муниципального строя, носителя свободных начал, в Средние века. И совсем не случайно испанское слово *municipio* было автоматически использовано историком и для обозначения средневековых общин-консехо³⁰, возникавших в процессе войн с мусульманами³¹. Видимо, считая, что

²⁷ Ibid. P. 136. Об этом прямо говорится во втором томе: *Romey, C. Historia de España desde el tiempo primitivo hasta el presente. Vol. 2. Barcelona, 1839. P. 319–320.*

²⁸ *Romey C. Historia de España desde el tiempo primitivo hasta el presente. Vol. 1. P. 282, 286.* См. также о пожаловании «фуэро» мусульманскими правителями: Ibid. P. 448.

²⁹ *Romey, C. Historia de España desde el tiempo primitivo hasta el presente. Vol. 2. P. 320.*

³⁰ *Romey, C. Historia de España desde el tiempo primitivo hasta el presente. Vol. 2. P. 366, 399.*

³¹ *Romey, C. Historia de España desde el tiempo primitivo hasta el presente. Vol. 1. P. 471.* См. также: *Romey, C. Historia de España desde el tiempo primitivo hasta el presente. Vol. 3. Barcelona, 1839. P. 154.*

данная им характеристика римских муниципальных учреждений является достаточной и для понимания существа средневековых институтов местного самоуправления, Л. Ш. Ромей не посчитал нужным давать им развернутую характеристику.

В любом случае, применительно к Средневековью его гораздо больше интересовала история мусульманской Испании — аль-Андалуса, особое внимание к которой вообще характерно и для романтической историографии, и для художественной литературы эпохи романтизма³². Между прочим, именно Л. Ш. Ромей утвердил в понятийной системе испанского историописания термин «Реконкиста» (точнее — глагол *reconquistar*): ведь до 1830-х гг. самого этого слова в испанском языке не существовало³³. Таким образом, даже с учетом сделанных оговорок, вклад «Истории Испании...» Л. Ш. Ромея в популяризацию принципов и концепций романтической историографии представляется весьма значительным.

4. А. Эркулану: «португальский Тьерри», его «свободный муниципий» и нефеодалное испанское Средневековье

Несмотря на очевидное влияние сочинения Л. Ш. Ромея, среди прочего, способствовавшего популяризации в Испании идей О. Тьерри и других историков-романтиков, реальным основоположником пиренейской романтической историографии (и одновременно — идейным преемником Ф. Мартинеса-Марины) стал все-таки не французский историк, а португальский — Алешандри Эркулану-де-Карвалью-и-Араужу (1810–1877). Если идеи Ф. Мартинеса-Марины были еще неразрывно связаны с традициями историографии Просвещения, то А. Эркулану — и как поэт и писатель, и как историк, по своим взглядам уже полностью

³² См., например: *Abed, M. A. Presencia de la personalidad musulmana en la literatura española desde una perspectiva crítica* // *Al-Adab Journal*. 2020. No. 132. P. 1–12; *Polo Blanco, J. Romanticismo y etnicismo en los orígenes del andalucismo y del nacionalismo canario*, in: *Revista de Estudios Políticos*. 2021. No. 193. P. 73–100 (etc.).

³³ *Romey, C. Historia de España desde el tiempo primitivo hasta el presente*. Vol. 2. P. 358, 368, 379. См. также: *Vanoli A. L'invenzione della Reconquista. Notte sulla storia di una parola*, in: *Reti Medievali Rivista*. 2008. Vol. 9. No 1. P. 1–13 (URL: <http://www.serena.unina.it/index.php/rm/article/view/urn%3Anbn%3Ait%3Aunina-3116> (дата обращения: 08.05.2025)).

принадлежит романтизму, одним из родоначальников которого в Испании и Португалии он являлся. Вместе с тем, как и другие основоположники романтизма к югу от Пиренеев, А. Эркулану являлся активным политиком либерального направления, что самым непосредственным образом повлияло и на его историософские представления³⁴.

Убежденный либерал, «португальский Шатобриан» с оружием в руках отстаивал свои взгляды в период Мигелистских войн (1823–1838). После их завершения А. Эркулану — королевский библиотекарь, инициатор создания и директор (до 1836 г.) библиотеки в г. Порту (ныне — Муниципальная библиотека), известный публицист либерального направления. Вынужденный отказаться от политической деятельности после Сентябрьской революции 1836 г., которую он считал чрезмерно радикальной, он целиком посвятил себя литературным и научным трудам. Его важнейшей заслугой перед португальской наукой стали подготовка и осуществление издания *Portugaliae Monumenta Historica* (1856–1873), основанного на принципах, близких к ее знаменитому немецкому прототипу — *Monumenta Germaniae Historica*³⁵.

* * *

Свои исторические изыскания «португальский Шатобриан» не мог не рассматривать как логичное продолжение его политической деятельности. Объяснить этот факт несложно. Сама эпоха выдвигала политические дискуссии в самый центр интеллектуальной жизни: не случайно создание и выход в свет главного исторического труда А. Эркулану — четырехтомной «Истории Португалии» (1846–1853) — совпали по времени с эпохой вели-

³⁴ Braga, T. O Romantismo. Lisboa, 1980 (первое издание — 1880 г.), P. 13. Близкие точки зрения см.: Machado, A. M. Les romantismes au Portugal. Modeles etrangers et orientations nationales. P. 206 и др. По Испании см., например: Navas-Ruiz, R. El romanticismo español. Historia y crítica. P. 13–14; Abellán, J. L. Historia crítica del pensamiento español. T. 4. P. 244–317.

³⁵ Portugaliae monumenta historia a saeculo octavo post Christum usque ad quintumdecimum iussu Academiae scientiarum Olisiponensis. Olisipone, 1856–1873. Под руководством А. Эркулану были изданы тома серий *Scriptores*, *Leges et Consuetudines*, *Diplomata et Chartae*.

ких европейских революций 1848–1849 гг., а также португальской революции 1852 г. Для Португалии, как, впрочем, и для Испании, XIX в. стал поворотной эпохой, временем утраты статуса великой державы. Связанные с этим переживания и порожденные ими огромный жизненный и политический опыт³⁶ не могли не оказать влияния на взгляды интеллектуалов поколения А. Эркулану³⁷.

Подобно своим великим современникам, он искал и находил в национальной истории ответы на беспокоящие его «больные» вопросы современности. Как и его кумир, О. Тьерри³⁸, А. Эркулану осознанно подходил к материалу источников с заранее заданных позиций: следовало найти лишь исторические факты, способные привести соотечественников к соответствующим выводам. Цель же, поставленная перед собой португальским историком, была непростой. Вслед за Ф. Мартинесом-Мариной, он должен был доказать, что либеральные идеи не принесены на полуостров на французских штыках, что они являются продуктом естественного исторического развития и, следовательно, что прошлое его страны дает основания для исторического оптимизма относительно перспектив либерального движения по эту сторону Пиренейских гор.

Утверждая тезис о национальных корнях португальского (а также — испанского) либерализма, А. Эркулану видел идеал государственного устройства в средневековой португальской монархии XIV–XV вв. По его мнению, пусть и в рудиментарной форме, эта монархия давала удачный пример разумного сочетания «авторитарного» и «демократического» начал, ограждавшего общество от крайностей неограниченной реакции, с одной стороны, и абсолютного равенства (т. е. «тирании народа») — с другой. Олицетворением «авторитаризма» он считал средневековую королевскую власть, выступавшую гарантом стабильности и порядка. Носителем же начал «демократии», по его мнению, были «муниципии»-конселью (*concelhos*), которым он давал восторженную характеристику³⁹.

³⁶ См., например, об этом: *Реузов, Б. Г.* Французская романтическая историография. С. 119.

³⁷ *Prado Coelho, J.* Romantismo. P. 864.

³⁸ *Гуро, П.* Фюстель-де-Куланж. М., 1898. С. 134.

³⁹ См.: *Herculano, A.* Historia do Portugal. Desde o começo da Monarquia até o fim do Reinado de Afflonso III. T. 3. Paris; Lisboa, 1876. P. 310–314.

Отметим, что образ свободного муниципия вообще занимал центральное место в идеологии раннего португальского либерализма, одним из лозунгов которого являлось ограничение всевластия центральной власти, характерное для эпохи абсолютизма, и создание федерации свободных муниципальных образований: на этот факт указывал уже один из первых историков португальского либерализма Теофилу Брага (1843–1924)⁴⁰. Он же отмечал факт прямого влияния на соответствующие построения А. Эркулану известной концепции О. Тьерри, едва ли не первым выступившего против чрезмерной централизации управления⁴¹.

С последним «португальского Шатобриана» сближало многое. И общность политических пристрастий, и последовательный романизм (воспринятый из наследия Ф. Мартинеса-Марины), и внимание к городской истории Средневековья. Как и О. Тьерри⁴², А. Эркулану связал истоки свободного муниципального устройства Средневековья с историческими судьбами сословия испано-римских куриалов. По его мнению, оно не ушло в прошлое с падением Рима и сохраняло свое влияние в городах Толедского королевства еще и в VII в. Более того, королевская власть стала привлекать куриалов — людей весьма состоятельных и, следовательно, способных приобрести боевого коня и необходимое вооружение — к несению военной службы в коннице⁴³.

⁴⁰ Braga, T. *História das ideias republicanas em Portugal*. Lisboa, 1983. P. 65–75.

⁴¹ В отечественной литературе эти идеи О. Тьерри подробно исследованы Б. Г. Реизовым: *Реизов, Б. Г.* Французская романтическая историография. С. 96–113.

⁴² См.: *Тьерри, О.* Городские коммуны во Франции в Средние века. СПб.: Типо-Литография Альтшулера, 1901. С. 8; *Тьерри, О.* История происхождения и успехов третьего сословия. Помимо идей О. Тьерри, на мировоззрение А. Эркулану как историка оказали влияние также Ф. Гизо (концепции свободного города, феодализма, понимание основ средневековой цивилизации), Э. Гиббона (его концепция падения Римской империи) и К. Ф. фон Савиньи (его идея органической связи права и истории народа): *Herculano, A.* *Historia do Portugal. Desde o começo da Monarquia até o fim do Reinado de Affonso III*. T. 6. Paris; Lisboa, 1876. P. 84–238; *Ibid.* T. 7. P. 25–341.

⁴³ *Herculano, A.* *Historia do Portugal. Desde o começo da Monarquia até o fim do Reinado de Affonso III*. T. 6. P. 234–238.

Противопоставленное городскому плебсу, с одной стороны, и германской знати и испано-римскому епископату — с другой, сословие иберийских куриалов стало главным носителем начал гражданской свободы, унаследованных от античности. По мнению А. Эркулану, считавшего феодализм явлением чисто германским, это сословие не было затронуто протофеодальными тенденциями, захватившими лишь испано-готскую аристократию и подчиненную ей военную клиентелу. Более того, эти тенденции проявлялись совсем недолго: арабское завоевание не только нанесло смертельный удар по готской наследственной знати, но и уничтожило зачатки феодализма, возникшие к началу VIII в. (именно поэтому пиренейское общество эпохи Высокого Средневековья характеризовалось как нефеодальное)⁴⁴.

Становление общества астури-леонской эпохи (VIII–XI вв.) происходило в принципиально новых условиях. Во-первых, старая государственность была сломана, а потому государственность новая не испытала прямого влияния наследия предшествующей эпохи. Во-вторых, в районах, примыкающих к горам Астурии, Кантабрии и Галисии сложилось обширное незаселенное пространство. Следовательно, как полагал А. Эркулану, в течение длительного времени колонисты, переселявшиеся (а иногда — и бежавшие) сюда с Севера могли свободно обращать освоенные ими участки земли в собственность в результате свободной оккупации — так называемой *presura*. В итоге число свободных крестьян-землевладельцев неуклонно возрастало, а отношения социальной зависимости — смягчались. В этих условиях возрождение феодальных принципов землевладения, организации общества и власти, по мнению португальского историка, было невозможно⁴⁵.

Органичной частью астури-леонского нефеодального, свободного общества стали средневековые муниципии (*concelhos*). Особая роль в их формировании отводилась потомкам испано-римских куриалов — переселявшимся в христианские районы из аль-

⁴⁴ *Herculano, A.* Da existência ou não-existência do feudalismo nos reinos de Leão, Castela e Portugal, in: *Herculano A. Opusculos*. Vol. 4. Lisboa, 1985. P. 269–306.

⁴⁵ *Herculano, A.* Historia do Portugal. Desde o começo da Monarquia até o fim do Reinado de Afonso III. T. 6. Paris; Lisboa, 1876. P. 84–180.

Андалуса колонистам-мосарабам. Уже самим своим присутствием, а также непосредственной хозяйственной и административной деятельностью они привнесли в новые поселения традиции свободной городской жизни римских времен, и, прежде всего, идею гражданства. Так постепенно возрождался муниципий — не как конкретный римский институт, но как воплощение древнего «духа свободы». Вокруг колонистов-мосарабов постепенно группировались представители разных категорий свободного населения. Сами себя они именовали «вилланами», в противовес знати, и «свободными» — в противовес разным категориям зависимых людей. Верхушка «вилланов» (т. е. потомки римских куриалов), продолжая традиции вестготского времени, составили слой «конников-вилланов» (*cavaleiros vilãos*) — главных хранителей муниципальных свобод, впервые закрепленных в фуэро кастильского местечка Кастрохерис (974 г.)⁴⁶.

**5. Развитие идей А. Эркулану в испанской и португальской историографии середины – второй половины XIX в.:
М. Кольмейро, Ж. П. де Оливейра Мартинш, М. Лафуэнте**

В Испании одним из первых сторонников взглядов О. Тьерри, Ф. Гизо и А. Эркулану стал юрист, историк и экономист Мануэль Кольмейро (1818–1894). Несколько менее активный на политическом поприще, чем большинство его коллег, тем не менее некоторое время он являлся депутатом Кортесов, где примыкал к умеренному крылу прогрессистов. Что же касается научных взглядов применительно к рассматриваемому кругу вопросов (при том, что его интересы как ученого были достаточно широки и выходили далеко за рамки средневековья), то, как и большинство прогрессистов, М. Кольмейро был сторонником романизма, в политической риторике XIX в. предоставлявшего аргументы для сторонников определяющей роли «демократических» элементов, применительно к античности и средневековью ассоциировавшихся у образованной части общества с городской верхушкой⁴⁷.

⁴⁶ Ibid. P. 84–190. См. также: Branco J. P. O municipalismo no pensamento de Alexandre Herculano (1834–1859). Lisboa, 2007.

⁴⁷ См., например, об этом: Martín, S. Liberalismo e historia en el Derecho político. Semblanza de Manuel Colmeiro y Penido (1818–1894), in: UNED. Teoría

В своем двухтомном труде «О конституции и правлении в королевствах Леон и Кастилия» (1855 г.) он подробно описывал римский муниципальный строй (основателем которого в испанских провинциях Рима считал Юлия Цезаря), видевшийся ему защитником гражданских свобод, отстаивавшихся вопреки попыткам императоров их ограничить. Муниципальные институты, по мнению М. Кольмейро, сохранились и продолжали оставаться форпостом свободы и в вестготское время, являясь противовесом владычеству варваров (готов)⁴⁸. После мусульманского завоевания преемниками муниципиев стали средневековые консехо, сосредоточение «муниципального духа» (также именуемые историком *municipios*), противостоявшие феодальному деспотизму, тогда как преемниками традиции муниципальных законов явились средневековые фуэро. Последние историк прямо именует «муниципальными фуэро» и называет их хранителями прав и свобод горожан, объединенных в общины-консехо. К этой традиции средневековых свобод возводятся и истоки принципа сословного представительства, воплотившиеся в деятельности кортесов⁴⁹. Важно отметить также, что М. Кольмейро отрицал развитие феодализма в Кастилии и Леоне, считая, что этому препятствовали условия Реконкисты — жестокого противостояния мусульманам, а также традиция сильной королевской власти. Подобно О. Тьерри, Ф. Гизо и их единомышленникам, М. Кольмейро также считал феодализм явлением германского происхождения и связывал с ним проявления жестокости и деспотизма, характерные для политических практик Старого порядка⁵⁰.

На близких позициях стоял его младший португальский современник М. Кольмейро — Жуакин Педру де Оливейра Мартинш (1845–1894), посвятивший памяти А. Эркулану (которого считал своим учителем) двухтомный сборник эссе по истории Португалии⁵¹. Впрочем, его содержание носит по преимуществу публици-

у *Realidad Constitucional*. 2013. No 31. P. 637–668.

⁴⁸ Colmeiro, M. De la constitución y del gobierno de los reinos de León y Castilla. T. 1. Madrid; Santiago de Chile; Lima; Valparaiso, 1855. P. 5–14, 91–107, 147–150, 160–161.

⁴⁹ Ibid. P. 186–190, 206, 217, 302–304, 315–316. См. также: Colmeiro, M. De la constitución y del gobierno de los reinos de León y Castilla. T. 2. P. 140–184.

⁵⁰ Ibid. P. 70–75.

⁵¹ См.: Oliveira Martins, J. P. Historia de Portugal / 2 vols. Lisboa, 1886.

стический характер. А вот «История иберийской цивилизации» явно заслуживает внимания исследователя. Ж. П. Оливейра Мартинш скептически отзывался о стремлении некоторых историков преувеличивать роль германского фактора в становлении вестготской монархии, и рассматривал последнюю как институт, ограниченный аристократией, с одной стороны, и свободными конселью-муниципиями, с другой. Истоки последних, разумеется, возводились к римской эпохе; общины-муниципии продолжали существовать в вестготское время и, благодаря сохранившим верность им христианам-мосарабам, продолжились на землях христиан после мусульманского завоевания. Консехо оставались оплотами свобод, носителями демократических начал в несвободном феодальном обществе; особая роль в их защите принадлежала местным хартиям-фуэро. Свою роль в защите этих свобод сыграло «народное рыцарство» — «конники-вилланы». Получался явный прообраз либеральной и конституционной монархии Португалии XIX в., политический строй которой в русле этих взглядов обретал дополнительные исторические основания⁵².

Идеи, близкие к взглядам М. Кольмейро и Ж. П. де Оливейра Мартинша, получили отражение и в первом, со времен «Общей истории Испании» Хуана де Мариана (1536–1624), фундаментальном труде по национальной истории, написанном Модесто Лафуэнте (1806–1866). Ставший ответом на появление испанского перевода многотомного сочинения Л. Ш. Ромея, труд испанского историка, впечатляющий по своему объему (6 тт. в 30 кн.), был опубликован первым изданием в 1850–1867 гг. и охватил период от начала испанской истории до 1833 г.; впоследствии (уже после смерти историка) он был продолжен до начала XX в. (в четвертом издании 1930 г.)⁵³. В отличие от сочинения французского историка, ставившего перед собой скорее просветительские, чем собственно научные цели, М. Лафуэнте руководствовался много (намного / гораздо?) более амбициозными намерениями: не случайно он даже

⁵² *Oliveira Martins, J. P.* Historia da civilização Iberica. Lisboa: Livraria Bertrand, 1880. P. 26–77, 83–84, 134–140, 148, 177–221.

⁵³ В настоящей статье использовано третье, 25-томное, издание 1887–1890 гг.

назвал свою работу так же, как и его великий предшественник Хуан де Мариана на рубеже XVI–XVII вв.

Либерал-прогрессист, активный действующий политик, Лафуэнте первым из испанских историков создал целостную фундаментальную концепцию национальной истории, выстроенную на основе либеральных историософских принципов, которая, как уже говорилось выше, стала ответом на выход в свет «Истории Испании от начала до наших дней» французского историка-любителя Л. Ш. Ромея. В отличие от последнего, предлагавшего взгляд на испанскую историю извне, труд М. Лафуэнте дал первое систематическое изложение истории Испании с древнейших времен как истории «испанской нации» (*Nación española*)⁵⁴ в ее эволюции от несвободы к свободе.

Особое место в этой концепции занимал вестготский период; ведь, по словам историка, «... Испания обязана великими благами народу, который изменил и смягчил жестокость рабства, отменил варварский обычай предоставлять людей на растерзание хищникам в цирке, сделал менее кровопролитными войны, умерил применение смертной казни, который привнес в ее законодательство личные свободы и который, наконец, предоставил ей *национальность и престол*, которыми она ранее не обладала». Таким образом, именно вестготская монархия оказывалась в историософии Лафуэнте первым испанским национальным государством, что и предопределило ее особое место в испанской истории⁵⁵. Вместе с тем, по мнению историка, современная ему испанская нация выступала преемником также и римской Испании, прежде всего — в том, что касалось сохранения традиций муниципальной

⁵⁴ Впервые понятие «испанская нация» было сформулировано в Кадисской конституции 1812 г. (*Constitución Política de la Monarquía española*. Cádiz, 1812. P. 3). В дальнейшем понятие «испанской нации» как основы национального суверенитета присутствовало во всех испанских конституционных актах (за исключением Королевского статута 1834 г.), вплоть до действующей конституции 1978 г.: *Constitución Española*. Preámbulo. Artículos 1.2, 2. URL: <https://www.congreso.es/docu/constituciones/1978/1978-cd.pdf> (дата обращения: 13.05.2024).

⁵⁵ *Lafuente, M. Historia general de España*. T. 2. Barcelona, 1887. P. 118.

организации (позднее продолжившихся историей средневековых общин-консехо и их хартий-фуэро)⁵⁶.

Гибель Толедского королевства трактуется историком как трагедия, поворотное событие национальной и мировой истории: «Таким образом, Испания была подчинена оружием сарацин. Быстрым, кратким, мгновенным было это завоевание. То, что стоило римлянам долгих столетий упорной борьбы, арабы совершили менее, чем за два года. Ловкими, гибкими, активными, отважными командирами были предводители этой конкисты. Ступор овладел испанцами после разгрома при Гвадалаате и им не дали времени прийти в себя» (и т. д.)⁵⁷. Естественным следствием такого подхода стало представление периода VIII–XV вв., последовавшего за мусульманским завоеванием начала VIII в. как времени «отвоевания» (Реконкисты) и восстановления Испании в границах «первого национального государства». А поскольку хронологически этот период занял большую часть испанского Средневековья, общество средневековой Испании — включая ее города — стало автоматически трактоваться как следствие Реконкисты. Последней М. Лафуэнте, современник активной фазы распада Испанской империи и превращения страны в небольшое европейское государство, придавал особое значение. Именно с его именем связана завершающая фаза формирования того, что ныне принято считать «мифом о Реконкисте»⁵⁸.

Не будучи медиевистом, испанский историк не предложил оригинальной интерпретации городской истории Средневековья. Однако его заслуга состояла в том, что этот частный сюжет был прочно встроен в структуру созданной им целостной концепции национальной истории. В полном соответствии с последней, М. Лафуэнте уверенно констатировал, что если авторитарное начало, представленное королевской властью, укреплялось во имя объединения сил в процессе Реконкисты, то принципы свободы и демо-

⁵⁶ Ibid. P. 46–51, 292–295. См. также: *Lafuente, M. Historia general de España*. Т. 3. Barcelona, 1888. P. 141–144, 230–233. О роли фуэро см.: Ibid. P. 49–54, 76–78, 128, 139–157, 216, 239–257.

⁵⁷ *Lafuente, M. Historia general de España*. Т. 2. P. 134.

⁵⁸ Ibid. P. 196, 218–219, 222–223, 295 (etc). См. также: *Vanoli, A. L'invenzione della Reconquista*. Notte sulla storia di una parola.

кратии (именно так!) были представлены общинами-консехо; при этом, и Корона, и свободные города были едины в своем противостоянии феодализму как произволу магнатов. Таким образом, в истории средневековой монархии как в миниатюре была воспроизведена основная траектория развития испанской государственности, в целом — так, как ее понимали испанские прогрессисты, противостоявшие умеренным в их желании ограничить значение местных органов власти в политической системе либеральной монархии второй трети XIX в.⁵⁹

* * *

Во второй половине XIX в. романистское направление в испанской и португальской историографии было в значительной мере потеснено (хотя и не вытеснено) германизмом. Прежде всего, на то были политические причины: если в политической риторике прогрессистов значимую роль играл образ «демократических» городских слоев римской, вестготской и средневековой Испаний, то для сторонников умеренных либералов (модерадо) решающим двигателем истории казалась аристократия, истоки которой они связывали с германской (главным образом, вестготской и свевской) элитой, утвердившей свою власть над римскими провинциями Империи в результате Великого переселения народов. Большое значение также придавалось образу средневековой Церкви как ближайшему «партнеру» светской знати в средневековых политиках⁶⁰.

Разумеется, существовали и другие веские причины торжества германизма как историографического тренда в изучении и интерпретации истории средневекового пиренейского города во второй половине XIX столетия. Столь же закономерным стало и утверждение в трудах испанских и португальских историков того же периода концепций, связанных с идеей исторического синтеза романских и германских начал. Однако эти сюжеты являются частью отдельной научной проблемы, решение которой должно

⁵⁹ *Lafuente, M.* Historia general de España. T. 3. P. 144 etc.

⁶⁰ См., например, об этом: *Nieto Soria, J. M.* Dos medievos para dos Españas: Gestación y claves interpretativas... P. 15–40.

статье объектом специального исследования, в значительной степени уже осуществленного автором настоящей статьи.

Информация о статье

Ауров, О. В. Средневековый пиренейский город в испанской и португальской романтической историографии, В кн.: *Proslogion: Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего нового времени*. 2026. Вып. 9 (1). С. 63–87.

Ауров Олег Валентинович, д-р ист. наук, доцент, Институт общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (119571, Россия, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Тропарево-Никулино, пр-кт. Вернадского, д. 82, стр. 1).

olegaurov1@yandex.ru, aurov-ov@ranepa.ru

УДК 94(460+469).03

Статья посвящена концепциям истории средневекового пиренейского города, сложившимся в рамках романтической историографии (начало – середина XIX в.), истоки которой связаны, в первую очередь, с именами французских историков О. Тьерри и Ф. Гизо. В медиевистике представители романтической традиции придавали большое значение городской истории Средневековья, видя в ней предисторию либеральных свобод XIX столетия. Многие из историков-романтиков (как и их единомышленники в пиренейских странах) являлись активными, действующими политиками либерального направления. В Испании и Португалии их идеи разделяли Ф. Мартинес Марина, А. Эркулану, М. Кольмейро, Ж. П. де Оливейра Мартинш, М. Лафуэнте и др. Все эти историки исходили из представления о романских истоках модели свободного пиренейского города, связывая происхождение городских свобод Средневековья со свободой римской гражданской общины-муниципия. По их мнению, средневековые теорриториальные общины-консехо, объединявшие в своих границах город и его сельскую округу, являлись прямыми преемниками традиции римских муниципиев, а свойственная им система управления определялась как «муниципальная». По мнению историков-романтиков, в средневековом обществе именно консехо выступали носителями начал свободы, в то время как начала порядка связывались с королевской властью, что создавало своеобразный баланс, свойственный политическим системам пиренейского Средневековья. Актуальность идей испанских и португальских историков-романтиков связана с тем, именно в рамках романтической историографии первой половины – середины

XIX в. был сформирован комплекс историографических представлений, пусть и переживших значительную трансформацию, но сохранивших свое значение вплоть до настоящего времени.

Ключевые слова: медиевистика, медиевализм, романтизм, романтическая историография, Испания, Португалия, средневековый город, территориальная община (консехо), муниципий

Information on the article

Aurov, O. V. Medieval Iberian city in Spanish and Portuguese romantic historiography, in: *Proslogion: Studies in Medieval and Early Modern Social History and Culture*. 2026. Vol. 9(1). P. 63–87.

Oleg Valentinovich Aurov, Doctor Habil. of History, Associate Professor, Institute for Social Sciences, Russian Academy of National Economy and Public Administration (RANEPa) (119571, Russia, Moscow, Vernadskiy av., 82-1).

olegaurov1@yandex.ru, aurov-ov@ranepa.ru

This article explores concepts of the history of the medieval Iberian city that emerged within the framework of Romantic historiography (early to mid-19th century), the origins of which are primarily associated with the names of the French historians O. Thierry and F. Guizot. In medieval studies, representatives of the Romantic tradition attached great importance to the urban history of the Middle Ages, seeing in it the prehistory of the liberal liberties of the 19th century. Many Romantic historians (like their like-minded counterparts in the Iberian countries) were active liberal politicians. In Spain and Portugal, their ideas were shared by F. Martínez Marina, A. Herculano, M. Colmeiro, J. P. de Oliveira Martins, M. Lafuente, and others. All these historians proceeded from the idea of the Roman origins of the free Iberian city model, linking the origins of medieval urban liberties to the freedom of the Roman civic community-municipality. According to them, medieval local communities (*concejos*) which encompassed a city and its surrounding countryside were direct successors to the tradition of Roman municipalities, and their characteristic system of governance was defined as «municipal». According to Romantic historians, in medieval society, it was the *concejos* that represented the principles of freedom, while the principles of order were associated with royal power, creating a unique balance characteristic of the political systems of the Iberian Middle Ages. The relevance of the ideas of Spanish and Portuguese Romantic historians stems from the fact that it was within the framework of Romantic historiography in the first half to mid-19th century that a set of historiographical ideas was formed. Although they have undergone significant transformations, they have retained their significance to the present day.

Key words: Medieval Studies, Medievalism, Romanticism, Romantic Historiography, Spain, Portugal, medieval city, local community (*concejo*), municipium

Список источников и литературы / References

Ауров, О. В. Город и рыцарство феодальной Кастилии: Сепульведа и Куэльяр в XIII – середине XIV в. М., 2012. *Aurov, O. V. Gorod i rycarstvo feodal'noj Kastilii: Sepul'veda i Kuel'yar v XIII – seredine XIV veka*. [City and Knighthood of the Feudal Castile: Sepúlveda and Cuéllar in the 13th – mid. 14th centuries]. Moscow, 2012 (in Russian).

Гизо, Ф. П. Г. История цивилизации в Европе. М., 2007. *Guizot, F. P. G. Istoriya civilizacii v Evrope* [History of civilization in Europe]. Moscow, 2007 (in Russian)

Гизо, Ф. П. Г. История цивилизации во Франции. Т. 4. М., 2006. *Guizot, F. P. G. Istoriya civilizacii vo Francii*. Т. 4 [History of civilization in France. Vol. 4]. Moscow, 2006 (in Russian)

Гиро, П. Фюстель-де-Куланж. М., 1898. *Guiraud, P. Fyustel'-de-Kulanzh* [Fustel de Coulanges]. Moscow, 1898 (in Russian)

Ещенко, А. О. Наполеоновская Испания: король Жозеф и «Los Afrancesados»: перспектива сотрудничества, В кн.: Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2018. № 18(1). С. 57–79. *Eshchenko, A. O. Napoleonovskaya Ispaniya: korol' Zhozef i «Los Afrancesados»: perspectiva sotrudnichestva*. [Napoleonic Spain: King Joseph and Los Afrancesados], in: *Trudy kafedry istorii Novogo i novejshego vremeni*. 2018. № 18(1). S. 57–79 (in Russian)

Мишле, Ж. Краткая история Франции до Французской революции. СПб., 1838. *Michelet, J. Kratkaya istoriya Francii do Francuzskoj revolyucii* [A Brief History of France Before the French Revolution]. Saint Petersburg, 1838 (in Russian)

Реизов, Б. Г. Французская романтическая историография. (1815–1830). Л., 1956. *Reizov, B. G. Francuzskaya romanticheskaya istoriografiya*. (1815–1830) [French Romantic historiography (1815–1830)]. Leningrad, 1956 (in Russian)

Таньшина, Н. П. Франсуа Гизо: политическая биография. М., 2018. *Tan'shina, N. P. Fransua Gizo: politicheskaya biografiya* [François Guizot: A Political Biography]. Moscow, 2018 (in Russian).

Тьерри, О. История происхождения и успехов третьего сословия. М., 1899. *Thierry, O. Istoriya proiskhozhdeniya i uspekhev tret'ego sosloviya* [The History of the Origin and Successes of the Third Estate]. Moscow, 1899 (in Russian)

Тьерри, О. Городские коммуны во Франции в Средние века. СПб., 1901. *Thierry, O. Gorodskie kommuny vo Francii v Srednie veka* [City communes in France in the Middle Ages]. Saint Petersburg, 1901 (in Russian)

Шатобриан, Ф. Р. Замогильные записки. М., 1995. *Chateaubriand F.-R.* Zamogil'nye zapiski [Graveside notes]. Moscow, 1995 (in Russian)

Abed, M. A. Presencia de la personalidad musulmana en la literatura española desde una perspectiva crítica, in: *Al-Adab Journal*. 2020. No. 132. P. 1–12.

Abellán, J. L. Historia crítica del pensamiento español. T. 4. Madrid, 1984.

Allison Peers, E. Historia del movimiento romántico español. T. 2. Madrid, 1967. P. 323–344.

Benavent Motoliu, J. F. La imagen de España en Alemania de la Ilustración al Romanticismo, in: *Estudis: Revista de historia moderna*. 1999. No 25. P. 201–230.

Braga, T. História das ideias republicanas em Portugal. Lisboa: Vega, 1983.

Braga, T. O Romantismo. Lisboa, 1980.

Branco, J. P. O municipalismo no pensamento de Alexandre Herculano (1834–1859). Lisboa, 2007.

Colmeiro, M. De la constitución y del gobierno de los reinos de León y Castilla / 2 vols. Madrid; Santiago de Chile; Lima; Valparaiso, 1855.

Constitución Política de la Monarquía española. Cádiz: En la Imprenta Real, 1812. Constitución Española. URL: https://www.congreso.es/docu/constituciones/1978/1978_cd.pdf (дата обращения: 31.03.2026)

Esteban de la Vega, M. La *Historia de España* de Romey y su recepción en la historiografía española, in: *Francia en España, España en Francia: la historia en la relación cultural hispano-francesa (siglos XIX–XX)* / Coord. por J.-R. Aymes, M. Esteban de la Vega. Salamanca, 2003. P. 93–126.

Herculano, A. Da existência ou não-existência do feudalismo nos reinos de Leão, Castela e Portugal, in: *Herculano A. Opusculos*. Vol. 4. Lisboa, 1985. P. 269–306.

Herculano, A. Historia do Portugal. Desde o começo da Monarquia até o fim do Reinado de Affonso III. T. 3. Paris, Lisboa, 1876.

Herculano A. Historia do Portugal. Desde o começo da Monarquia até o fim do Reinado de Affonso III. T. 6. Paris, Lisboa, 1876.

Lafuente, M. Historia general de España / 25 vols. Barcelona, 1887–1890.

Machado, A. M. Les romantismes au Portugal. Modeles etrangers et orientations nationales. Paris, 1986.

Martín, S. Liberalismo e historia en el Derecho político. Semblanza de Manuel Colmeiro y Penido (1818–1894), in: *UNED. Teoría y Realidad Constitucional*. 2013. No. 31. P. 637–668.

Martínez Marina, F. Ensayo histórico-crítico sobre la antigua legislación y principales cuerpos legales de los reynos de León y Castilla, especialmente sobre el Código de D. Alfonso el Sabio, conocido con el nombre de Las Siete Partidas. Madrid, 1808.

Martínez Marina, F. Teoría de las Cortes o de las grandes asambleas nacionales de los reynos de León y Castilla / 2 vols. Madrid, 1813.

Nieto Soria, J. M. Dos medievos para dos Españas: Gestación y claves interpretativas , in: Pasados apropiados. El medievalismo español del siglo XIX. Barcelona, Molina de Segura (Murcia), 2013. P. 15–40.

Oliveira Martins, J. P. Historia da civilização Iberica. Lisboa: Livraria Bertrand, 1880.

Oliveira Martins, J. P. Historia de Portugal / 2 vols. Lisboa, 1886.

Polo Blanco, J. Romanticismo y etnicismo en los orígenes del andalucismo y del nacionalismo canario, in: *Revista de Estudios Políticos*. 2021. No. 193. P. 73–100.

Portugaliae monumenta histoirae a saeculo octavo post Christum usque ad quintumdecimum iussu Academiae scientiarum Olisiponensis. Olisipone, 1856–1873.

Riaza, R. História de la literatura jurídica española, in: *Interpretatio: Revista de Historia del Derecho*. 1998. T. 5.

Romey, C. Historia de España desde el tiempo primitivo hasta el presente. Vols. 1–3. Barcelona, 1839–1841.

Romey, L. Ch. Histoire d'Espagne depuis les premiers temps jusqu'à nos jours / 9 vols. Paris, 1838–1851.

Thierry, Au. Lettres sur l'histoire de France pour servir d'introduction à l'étude de cette histoire. Paris, 1827.

Vanoli, A. L'invenzione della *Reconquista*. Notte sulla storia di una parola , in: *Reti Medievali Rivista*. 2008. Vol. 9. No. 1. P. 1–13. URL: <http://www.serena.unina.it/index.php/rm/article/view/urn%3Aurn%3Ait%3Aunina-3116> (дата обращения: 31.03.2026).